

*Для тех, кто знает, что молчание —
самый громкий крик.*

На свете есть два рода мужчин — те, кто
защищает права женщин, и трусы...

Абайда Махмуд

Часть I

1

Если б я сделал ей предложение минутой раньше, никогда такого не случилось бы. На нас бы не напали, я не оказался бы в больнице, а она не исчезла бы навсегда из моей жизни. Всего лишь тридцать секунд, а может, и меньше, но иногда достаточно и этого, чтобы в один миг была перечеркнута вся жизнь. И чтобы то, что от нее уцелело, стало бы заполнено исключительно попытками забыть произошедшее...

Для меня эти попытки безуспешны. Бесконечно мысленно возвращаюсь к тому событию и представляю, как бы все сложилось, если б мы выпили пива на кружку меньше, вышли бы из паба и закончили бы курить у реки хотя бы на минуту раньше...

Психологи называют такое явление контрфактическим мышлением, основанным на представлении альтернативного сценария уже произошедших событий. Это явление не считается редким или негативным, так как в будущем позволяет избежать допущенных некогда ошибок и даже способствует укреплению морального духа, придавая человеку уверенность в том, что он сам распоряжается собственной судьбой.

Однако в моем случае эффект был абсолютно противоположным. Я все больше погружался в депрессивное состояние, с усилением чувства вины за случившееся и бессилия от невозможности влиять на окружающий мир.

Я постоянно повторял себе, что достаточно было вынуть тот перстенок из кармана хотя бы на несколько секунд раньше. Но я не вынул... Каждый, даже самый

маленький, шаг того яркого дня, каждое, даже самое благое, решение вели к тому, что случилось...

Тот субботний вечер десять лет назад начался обычно. Мы с Евой выбрались в наш любимый пивной бар «Горец», расположенный в старой части Ополя на небольшой улочке возле реки. Нам, как его давним постоянным посетителям, позволялось легально употреблять в пивбаре крепкий алкоголь. Бывая там, мы нередко усаживались тогда на Ложе Шидерцев — местечке на берегу речки Млыновки. К нему сразу за пивным баром вели узкие ступеньки. Не знаю, кому лет десять назад пришло на ум так назвать низенькую каменную стенку, но название пристало прочно.

Когда мы спустились вниз, Ева уже что-то предчувствовала, но никак не связывала это с группой мужчин, допивавших пиво в «Горце». Она досконально знала меня и с самого начала вечера не могла не заметить и мое, невесть откуда взявшееся, нервное напряжение.

Мы были вместе с незапамятных времен. Обстоятельства сблизили нас еще в восьмидесятых годах, в детстве, когда оба, беззаботные, мы слонялись по окраинным задворкам при улице Спыхальского в Заодерье и отнюдь не ведали о том, что нам готовит жизнь...

Очень скоро мы стали неразлучными. Пошли учиться в один класс начальной школы, в возрасте десяти лет впервые поцеловались на ступеньках школьной раздевалки. В выпускном классе, однажды после школьной вечеринки, сблизились совсем.

Перед окончанием школы многие прочили нашим отношениям скорый конец. Тем более что Ева собиралась учиться в политехническом, а я — в университете. Кроме возможной реализации «пророчеств» знакомых, мы могли также пасть и жертвами нашей подверженной испытанию неразлучности. Но все сложилось иначе.

Мы сняли квартиру, стали жить вместе и планировать наше совместное будущее. Мне реально казалось, что это не баловство, и, думается, Ева тогда считала так же...

Я выбрал Ложу Шидерцев, потому что это было, пожалуй, единственное место в Ополе, где мы провели так много времени — выкурили там килотонны табака, выпили гекалитры дешевых вин и впервые попробовали вертеть «косяки».

Прежде в нем не было ничего романтического — просто небольшой кусок замусоренного речного берега, спрятавшийся под хилой кроной одинокого старого дерева. Когда же я делал Еве предложение, все уже изменилось. Это место стало частью опольской Венеции — заново обустроенного побережья, на котором более всего выделялся ряд разноцветных домов, едва не касающихся воды.

Ложа Шидерцев этому соответствовала. А может, мне так казалось...

Я преклонил одно колено — и, наверное, чувствовал бы себя при этом последним идиотом, если б не изрядное количество алкоголя, выпитого перед этим. Ева же театрально поднесла ладонь к губам, демонстрируя этим жестом, что прекрасно знала, чего добивалась.

Я надел перстенок ей на палец, и мы, крепко обнявшись, поцеловались, а потом на мгновение застыли в молчании. Мы были так близко друг к другу, что тишина казалась спайкой нашего союза, а не частью разделяющей людей пропасти.

Охваченные счастьем, ощущая себя блаженно и беззаботно, мы, обнявшись, стали подниматься по ступенькам к пивбару и небольшой автостоянке возле него.

Едва мы миновали дверь заведения, как из него вышли несколько посетителей. Они, судя по всему, были крепко подвыпившими и потому пьяно и громко гомонили, шутливо толкая друг друга.

Вполне вписываясь в пейзаж опольской субботней ночи на площади, эти люди не вызвали у нас беспокойства. Но через несколько секунд все изменилось.

Один из них уставился на Еву и замолчал. Будто неожиданно оказался в центре смерча. Собутельники окликали его, подталкивали, но он не трогался с места, уставившись на мою невесту. Потом выдавил из себя:

— Во бл..

Постоянно мысленно возвращаюсь к тому моменту, вижу взгляд и слышу голос того человека, испытываю те же чувства...

Я крепче обнял Еву, и мы ускорили шаг. Тот, который выругался, заступил нам дорогу. Его собутельники сначала недоумевающе глянули на него, а потом обступили нас со всех сторон.

— Что-то не так? — бросила Ева.

Теперь я понимаю, что это мне надо было что-либо сказать, переключить их внимание на себя. И тогда события, может, повернулись бы иначе.

А может, и нет...

— Ну... — отозвался один из них.

Остальные затихли и посерьезнели, внезапно сосредоточив внимание на Еве, а я запсиховал. На окраине никого не было, возле речки тоже ни души, а чуть подалее, на площади, мы могли рассчитывать только на случайных прохожих.

Ева произнесла «сорри» и попыталась пройти, но ни один из мужчин даже не шевельнулся, чтобы пропустить нас. Мы оказались почти вплотную к ним, и мне казалось, что сердце мое вот-вот выскочит из груди.

— В чем дело? — спросил я.

— В том, что вы оставили кое-что внизу, — ответил самый крепкий из них, показав в сторону ступенек.

Остальные не были такими мускулистыми, но это не имело никакого значения. Их было пятеро против

одного. Даже ежедневно занимаясь боями без правил, я все равно не справился бы с ними.

В этом убеждал первый же удар, чуть не сваливший меня на землю. Я услышал, как Ева что-то крикнула, но в голове моей так громко загудело, что я даже не разобрал ее слов.

Они схватили нас за одежду и поволокли к Ложе Шидерцев. Я сориентировался лишь тогда, когда мы снова оказались у реки. Попробовал было вырваться, но один из них придержал меня, а второй нанес еще три или четыре удара, от которых я свалился под деревом, где мы когда-то выкурили первый «косячок».

Я не чувствовал металлического вкуса крови на губах, хотя она лилась с них ручьем. Все вокруг было для меня словно в тумане, хотя замутненным взором я увидел, как неподалеку Еву бросают на землю.

Они что-то говорили, смеялись, Ева кричала... До сих пор не могу выловить в памяти тех ее слов.

Попытался встать, но меня быстро вернули в лежащее положение. Хватило одного рассчитанного удара. Упав, я сразу начал ползти к невесте.

Они уже занимались ею. Один сорвал блузку, другой начал с силой тискать ее за грудь. Безуспешно пытаясь приблизиться к ней, я кричал, но мне казалось, что беззвучно...

Был момент, когда, казалось, мои жалкие потуги достигли цели, но пинок в голову на какое-то время погрузил меня во тьму. Когда я снова смог видеть, один из них сдирал с Евы брюки.

Мир сделался нереальным, придавленным чем-то тяжелым, как и крик моей невесты, когда один из напавших закрыл ей рот.

Я грозил, проклинал и умолял их, чтобы перестали. Когда же мне не осталось ничего иного, начал молить Бога, чтобы он вмешался. Обещал ему все, лишь бы только Он сохранил Еву.

Потом увидел ее красивое красное белье, которое она недавно купила, сказав, что «для специального случая».

Хохоча, насильники сорвали с нее трусы. Первый из них спустил брюки и лег на нее. Другой поднял мне голову, чтобы я мог видеть происходящее, и при каждой моей попытке вырваться отвешивал подзатыльник.

Я кричал, все так же стараясь приблизиться к своей невесте, рыл ладонями землю, но не смог придвинуться к ней и на полметра, когда насильник кончил.

Потом на нее лег очередной. Напирал мощно — как будто хотел ее сплющить. Был слышен ее плач. Я видел, как она старалась оттолкнуть насильника, но все ее попытки сопротивляться не имели ни малейшего шанса на успех.

Мне удалось немного приблизиться, пока остальные вновь перестали обращать на меня внимание. Один из них подошел ко мне, что-то сказал и поднял ногу. Пока он опускал на меня тяжелый ботинок, я еще успел глянуть на Еву. Выражение страдания, боли и унижения врезались мне в память, потому что я видел ее в последний раз...

По крайней мере, до того момента, когда через десять лет мне на глаза попало ее фото в «Фейсбуке».

2

Личности напавших так и не были установлены. Не были найдены ни они, ни моя невеста. Она бесследно сгинула, как и жизнь, которую мы собирались прожить.

Дело не в том, что я жил без Евы. Моя жизнь по сравнению с той, которая некогда замышлялась, стала иной во всех направлениях.

Так, после успешного окончания лицеза я мог бы изучать экономику во Вроцлаве, Познани или Кракове. Каждое учебное заведение приняло бы меня с распро-

стертыми объятиями. Но я выбрал Опольский университет и проживание в Ополе лишь потому, чтобы быть рядом с Евой, которая всегда твердила, что не хочет оставлять город.

Уговаривать меня было не нужно — ведь учитывалось только ее мнение. Мои высокие результаты в учебе позволяли надеяться, что я смогу найти в Ополе хорошо оплачиваемую работу. Может, не престижную, но позволяющую нормально жить. Большого не требовалось.

Однако вуз я не окончил. После той ужасной ночи никак не мог прийти в себя...

Первые месяцы после этого я был как заведенный, лихорадочно пытался найти хоть какие следы своей невесты. Использовал все возможности, задействовал все пути, поднял на ноги все органы, организации и товарищества, которые хоть как-то смогли бы оказать мне помощь в этом. Увы...

Ева словно исчезла в черной дыре. Те, кто напал на нас, в Ополе были, скорее всего, проездом. Поначалу я был уверен, что они из какого-нибудь пригородного села, но спустя несколько месяцев исключил это предположение. В течение минувшего времени кто-нибудь точно узнал бы их. Пока же они оставались неизвестными. А их лица, невыразительные и враждебные, продолжали существовать только в моей памяти.

За эти несколько месяцев интенсивных поисков я просто обессилел. Распрощался с наукой, закрылся в нашей квартире и большую часть времени проводил, все более погружаясь в подобие летаргического сна. Много пил и постепенно отдалялся от внешнего мира.

В дальнейшем все стало сводиться лишь к открыванию пива и к тому, как поскорее убить время. Чаще всего я прибегал для этого к помощи компьютерных игр, вроде «Дэд спейс», «Лефт фор дэд», «Джи-ти-эй IV» и «Фоллаут 3». Они заменяли мне реальную жизнь. Мо-

жет, благодаря им я как-то и выжил. Причем выражение «как-то» — ключевое.

Наконец до меня дошло, что возвращаться к прежним планам уже слишком поздно. В вузе я должен был бы очень многое наверстать, наврать что-то руководству, а кроме того, вынужденно распрощаться со всем, что столько времени поддерживало меня в жизни.

Примерно через год после случившегося на Ложе Шидерцев я вернулся на то место и устроился барменом в «Горце». Работал там довольно долго — настолько долго, что знал каждую царапину на прилавке и всех клиентов.

Насильники Евы так и не появились. А я даже не понимал, действительно ли когда-либо на это рассчитывал...

Я перемещался из заведения в заведение, нигде не «нагревая место», не завязывая с кем-либо близкие отношения.

В городе, где проживают сто двадцать тысяч человек, каждый был мне по крайней мере известен. Но никто, наверное, даже не задался вопросом, почему я, хотя с той ужасной ночи миновало почти десять лет, продолжаю оставаться холостяком.

Был я им и когда нашел работу в новом ресторане, открывшемся на площади неподалеку от памятника, который мы называли «Баба на быке». Ресторан, названный «Икс-Спайс», специализировался на приготовлении блюд индийской кухни, а я стал работать в нем кельнером. Это было единственное в Ополе заведение такого типа, расположенное в удачном месте, а зарплаты мне хватало на оплату квартиры, выпивку и безлимитный интернет. Ни на что больше я не претендовал.

В течение минувших горьких лет мне помогал Адам Блицкий, которого мы в начальной школе называли Блиц, Блицер и Блицкриг. Он был единственным, кого я в полном смысле мог назвать другом.

Мы никуда не ходили вместе. Я не бывал у него, а он у меня — просто отказался от этого после нескольких неудачных попыток, «не застав» дома. Зато регулярно посещал все заведения, где мне доводилось трудиться, словно они были его любимыми. Это длилось почти десять лет и устраивало нас обоих.

Обычно он являлся с хорошими новостями, будто считал для себя делом чести взбадривать меня. Но в тот день получилось иначе.

Блицер вошел в «Икс-Спайс» с ноутбуком под мышкой, осмотрелся и, усевшись за столик возле окна, окликнул меня:

— Вернер! — и призывно взмахнул рукой, всем своим видом демонстрируя, что вопрос не терпит отлагательств.

Я подошел неспешно, потому что чаще всего он привлекал вещами, к которым я был равнодушен. Остановившись возле столика, не успел и рта раскрыть, как Блиц, не дав мне вымолвить слова, нервно пригласил:

— Садись! — и протянул раскрытый ноутбук. — Посмотри!

Было раннее утро. В ресторане находился лишь один клиент, которому минутой раньше я подал «Манго ласси»¹. Я не должен был принимать приглашение, так как за болтовню со знакомым мне досталось бы от шефа, но все-таки присел сбоку и глянул на монитор.

— Не говори мне, что это не она! — выпалил Адам.

— О чем ты?

— Глянь! — настаивал он, касаясь ноутбука.

Система вышла из состояния сна, и на экране показался пост из «Фейсбука». Снимок был с небольшим дефектом, но не с таким, чтобы возникли трудности с опознанием того, кто на нем запечатлен...

---

¹ «Манго ласси» — индийский коктейль, приготавливаемый из взбитого йогурта и мякоти манго.